

В Москве вышла книга Лидии Сычевой «Встреча с жизнью», посвященная биографии и творчеству поэта Валентина Васильевича Сорокина, нашего современника, классика.

Книгочеи хорошо знают, как угадывается каким-то внутренним чутьем значимость и качество книги, когда ее даже еще не взял в руки, а лишь взглянул на обложку, внешний вид, оформление. И как возникает (или не возникает) тяга немедленно открыть, пролистать станицы, в жадной торопливости выхватить фразы, предложения, слова, чтобы убедиться в своем первоначальном впечатлении.

Беглый просмотр случайных страниц нового издания в белоснежной обложке укрепил во мне мнение — это та книга, которую требуется прочитать.

Как и положено произведению такого жанра, биография поэта показана в хронологическом порядке, начиная с детства, с замечательными историческими экскурсами, отступлениями, пояснениями, отчего сразу складывается цельное впечатление не только о предмете разговора — биографии поэта, но и об историческом контексте, повлиявшем на формирование мировоззрения,

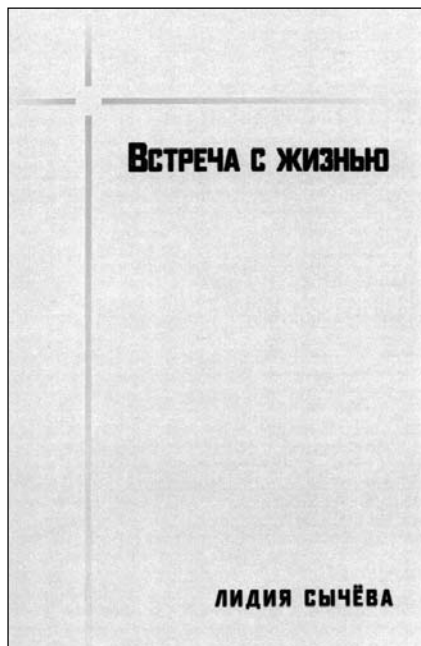
характера, душевного склада будущего писателя. Небезынтересно узнать, что род Сорокиных относится к древней русской народности мосалей, «переселенных царем из Мосальского княжества на Урал — границы держать». ««Где мосали, три года не соли», — так говорится на моем Урале» (Валентин Сорокин, «Мосаль»). И что прозвание Сорокины, положившее начало старинному казачьему роду, первоначально произносилось с ударением на последнем слоге Сорокины, они жили впоследствии в уральских заводах, «как в старину называли села в дореволюционных энциклопедиях». Эти небольшие, без подробного объяснения штрихи, подкрепленные фотокопиями топографических карт, портретами, материалами исторических книг создают необходимую атмосферу вхождения читателя в книгу, потому что и далее, до самого конца чтения, в памяти будут держаться упомянутые факты, эмоционально окрашивать собой все последующие события жизни, творчества В.В. Сорокина.

Те, кто знаком с предыдущими книгами Лидии Сычевой, без труда распознают и в этой ее работе подтянутую, точную манеру письма, умение выстраи-

вать совершенно особую, присущую только этому автору кружевную композицию легким пунктирным повествованием, словно бы исподволь создающим сюжетный узор произведения, где выбрано и закреплено главное, без словесных излишеств, чрезмерных эмоций. Способность малыми средствами выразить многое.

В рассказе о детстве, юности поэта, как, впрочем, и в последующих частях книги также не найти каких-либо эпитетов, оценок, определений прошедшим эпохам, людям. Автор перепоручает, доверяет это читателю, имеющему свой жизненный опыт, знания, переживания. Внешне сухой текст о местах рождения, жизни будущего поэта, включающий в себя цитату из его книги, и приведенная затем современная фотография фактически исчезнувшего хутора создают воистину эпическое полотно: «Века звенела речка Ивашла <...> И хутор мой, Ивашла, века пахал, сеял, жал, воевать не отказывался за Россию, возвращался, оплакивал сыновей и снова жил, но не выдержал, растворился, исчез». (Валентин Сорокин, «Валет и Акулина», 1990).

Подобных Ивашле сел, заводов, хуторов, деревень было немало на Южном Урале. Как-то мой институтский товарищ свозил меня в такое село, где у него был свой дом столетней давности. В этом селе, начиная от его названия, Тирлян, необычным оказалось все: и размах, и древность, и славная история, и природа, и люди. А прежде всего, поразила энергия, будто исходящая из земли, воздуха, неба. Стоял столбом во дворе дома немалое время, словно пригвожденный, физически наслаждался токами, блуждавшими по телу, млея, вверившись неведомым силам, охватившим все мое существо. Недаром древние римляне верили, что нет на земле места без гения, то есть духа места. Своих гениев имели города, местности, воинские части и т.д. Имя и пол гения иногда скрывались, как, например, хранителя Рима, чтобы его не переманили враги. И каждый мужчина имел это свое божество

ство мужской силы, способностей (лат. genius, от gens «род», gigno «рождать», «производить»). Особенно почитался гений главы фамилии, рода. Гением главы семьи, гением Императора Рима давались клятвы, считавшиеся священными, несоблюдение их приравнивалось в последнем случае к оскорблению величия, предусматривавшего наказания от штрафа, ссылки, лишения воды и огня и до предания смерти. Глядя на фотографию опустевшего хутора Ивашлы, вспоминая полуразрушенное село Тирлян, другие похожие села, некогда уютно гнездившиеся в уральском Берендеевом царстве, вполне сознаешь величие русского прошлого, наделенного могущественными гениями места, фамилий, родов.

Обращает на себя внимание не совсем привычное построение книги, о чем можно сказать примерно так: она составлена в соответствии с визуальноклипным читательским восприятием нынешнего времени, но с наполнением серьезной фактурой, строгим, информативно насыщенным текстом, редкими историческими фотографиями. В книге

не найти «проходных» мыслей, страниц.

Ненавязчиво, нескучно подаются, цитируются стихотворения поэта. Вместо привычной типографской печати приводится публикация публикации, то есть фото газетной страницы или другого печатного издания с тем или иным произведением, так что невольно возникает желание вчитаться в него. Причем некоторые вещи читаешь дважды, один раз в виде отрывка, цитаты, второй — по фотографии полностью, как будто повторяешь хороший урок. Надо сказать, чтение стихотворений Валентина Сорокина доставляет удовольствие во всех отношениях, интеллектуальном и эстетическом. Они разом проливаются в душу, усваиваются свободно, легко. И происходит это настолько естественно, что, желая перепроверить первое впечатление, возвращаясь к началу и, вчитываясь теперь уже в каждое слово, невольно восклицаешь мысленно: «Ну надо же как красиво сказано, просто, точно, не выдуманым языком!» И приводимые Сычевой в книге отрывы читателей, начиная с корифеев советской, российской литературы, литературоведения, позволяют соотнести личное впечатление с официальным или протокольным, не находя расхождений во мнениях.

Следует выделить ту часть биографического материала, где говорится об учебе поэта и работе на промышленном производстве. «Каких трудов ему стоило оканчивать среднюю школу, работать на заводе и писать великолепные стихи!» Из отечественной литературы, искусства, общественной мысли ушел интерес к сверхважным процессам вращения интеллектуального, образовательного, духовного потенциала нации, трижды претерпевшей в двадцатом веке немислимые испытания (растерзанного в революцию 1917-го, надорванного Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., искалеченного реформами 1990-х), в то время как именно в чрезвычайном краткий учебно-производственный период совершается один из

самых важных процессов — формирование личности человека. Поэтому-то так точна, честна, интересна поэзия Сорокина, что он сполна прошел путь труда над собой, «сделал себя сам», как сейчас принято говорить. К предоставленным государством возможностям получения образования всегда требовалась и требуется личная воля человека, основанная на самовоспитании, работе над собой, формирующая характер, развивающая унаследованные задатки, по результатам чего и рождается неповторимая личность — или тот самый, «окрепший по дороге» человек, определяемый как «сделавший себя сам». И напротив, при отсутствии такого труда личность выходит рыхлой, неоформленной, легко уязвимой, неспособной противостоять жизненным сложностям даже при наличии врожденных талантов. «Я стоял у огня, плавил кремний и резал...» — и, добавим, одновременно учился и создавал поэтические произведения. «Среднее образование Валентин Сорокин получает в 26-й школе рабочих молодежи. “А дообразовывался я в Челябинске. Из ФЗО №5 — в 1-й прокатный, из 1-го прокатного — в 1-й мартен. Год вечернего техникума и самостоятельных занятий с помощью друзей, педагогов Головиных”». (Валентин Сорокин, «Пылающий аттестат зрелости», 1990). «Из цеха я спешил / В аудиторию / И, размышляя, / По дороге креп. / Глотал уроки / Алгебры, истории, / Как в те года / Случайный добрый хлеб. / О смутные / Законы математики — / Когда, опережая / Мой провал, / Седой директор / В командирском ватнике / Мне аттестат / Авансом выдавал». («Гордость», 1960).

Материалы биографии не замыкаются на одной только фигуре поэта, через его судьбу рассказывается о людях, с которыми он работал, кому посвятил те или иные произведения, что сразу раздвигает сугубо биографические жанровые рамки: открывается простор страны, ощущается ее дыхание. Через микросюжет на одной странице воссоздается огромная картина из истории Южно-

го Урала: «Над Челябинском дождь, молодой и струистый...» Приводится фрагмент карты города Челябинска 1967 года. Ниже на фото: ряд свежевыстроенных бараков и пояснение: «2-я Строительная улица (ныне улица Комаровского, названа в честь одного из руководителей ГУЛАГа А.И. Комаровского, под чьим руководством в годы войны строился ЧМЗ). На фото зима (предположительно, декабрь 1940-го), когда ни ЧМЗ, ни Металлургического района еще не было <...> Бараки выстроены с 1932-го по 1935 год, таких зданий насчитывалось 40, простояли они до 1970-х годов». И эта трудная, суровая атмосфера дополняется, наполняется мотивами любви (стихотворение «Любимой», 1960), кратким рассказом о женитьбе поэта, штрихами биографии молодой жены, потерявшей «родителей и весь “родовой куст”» — посаженных, частично расстрелянных только за то, надо полагать, что «у них была усадьба в Петербурге, семья занималась выращиванием овощей для царской семьи». И такой невероятный жизненный факт: «Крестная мать его супруги — из рода Пушкиных». Представим себе: «...дождь, молодой и струистый...» Деревенская молодость, унаследовавшая хорошее физическое и душевное здоровье и жаждущая созидания. Дощатые, засыпные бараки с единым, сквозным проходом, небольшими комнатами по обеим сторонам с жильцами-осужденными, спецпереселенцами, ссыльными, завербованными, добровольцами. «Гений чистой красоты» невесты. Крестная мать из рода Пушкиных. Яростная стройка будущих промышленных гигантов, спасших впоследствии народ и страну. Событийный ряд, составленный из совершенно разных эпох, социальных положений, мировоззрений, культур, неспособен в принципе вписаться в человеческом сознании, воображении, в то время как это — подлинная, непридуманная русская жизнь. Замыкается документальный рассказ стихотворением поэта «Из семейной жизни» — точным, ясным, простым, легким, дающим

представление о взаимоотношениях в молодой семье, непременно сердечных, здоровых и светлых.

Очень неожиданно, но, безусловно, к месту в этот плотный поток труда, созидания вдруг врзается цитата стихотворения: «Нас предадут / Кремлевские мессии / За тайное стяжательство свое, — / Детей России, / Матерей России, / Сынов ее и воинов ее!..» («Молодость», 1961). Цитата пророброшена как бы невзначай, сделана затеью на память и в то же время помогает глубже понять личность поэта, уже тогда осознававшего возможные результаты забродивших в обществе социально-экономических, духовных процессов. Редкий дар предвидения, немногие литераторы им наделены.

Порадовал и тронул материал, связанный с Магнитогорском, городом Трудовой доблести, легендарной Магниткой, магнитогорскими писателями, поэтами, внесшими немалый вклад в культуру Южного Урала. Борис Александрович Ручьев, «первый поэт Магнитогорска и его первостроитель, репрессированный в 1937 году, реабилитированный в 1956-м. Лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького, сыгравший большую роль в творческой судьбе Валентина Сорокина». И неожиданное переплетение историй родов двух поэтов: дед Сорокина и отец Ручьева были знакомы еще со времен жизни в курганских казачьих станицах. «Дедушка мой был верующий, а у Ручьева отец был священником, и они знали друг друга». И дружба, творческое сотрудничество Валентина Сорокина еще с одним замечательным поэтом Магнитки — Владиленом Ивановичем Машковцевым, также достаточно сделавшим для культурной жизни города и оставившим в народе исключительно добрую память о себе. Или Николай Павлович Воронов, «прозаик, в 1954–1959 гг. руководивший Магнитогорским литературным объединением, главный редактор альманаха “Уральская новь”». «...Мне дали папку с рукописями, я читаю стихи и вдруг вижу: большой та-

лант! Редкий талант. Спрашиваю у руководителя писательской организации, что это за парень, Валентин Сорокин? А это, говорит, человек, который работает на мартене <...> он носит сталь, чугуны в огненных ковшах на своем кране. А работа эта страшная была, страшная... Я говорю: можно ли его повидать? <...> И вот входит молодой человек. Лицо у него, как у всех металлургов, людей, имеющих дело с огнем, цвета перекаленной меди — с нездоровой краснотой. <...> И я вижу, как у него в бровях блестят порошинки графита... (Николай Воронов, «Воспоминания»).

То, что он именно национальный русский поэт, Валентин Сорокин воспринимает как естественно-природную, врожденную данность. И именно так говорит о себе в одном из писем В.И. Машковцеву: «...в Москве я прошел первым из русских. Стихи мои вышли в “Правде”, “Сельской молодежи”, “Красной звезде”, “Москов. Комсомольце”, “Литгазете”, “Огоньке”, “Советской России” и еще где-то. Все хвалят меня, но в зале Чайковского не разрешили читать “Ворона”, “Христа” и др.». И затем, в годы работы в журнале «Молодая гвардия», издававшегося в Москве: «Если цензура выдирает из отдела критики патристический материал — я давал подобный материал по отделу очерка и публицистики. А потом я вел отдел поэзии, и мы с Петелиным обговаривали ситуацию: снимают у него материал о русской жизни — я на эту тему ставлю стихи по своему отделу».

Опираясь на факты из жизни поэта, приведенные в книге, можно ясно видеть, как вся последующая московская жизнь выявила и другие его таланты (организатора производственного процесса в журнальном деле, редактора издательства), а также поспособствовала более тонкой и аргументированной ковке взглядов на русскую жизнь и мировоззрения в целом. «Без Москвы, без ее обостренных противоречий в быту, политике и культуре — поэту трудно уяснить собственный взгляд на время и на призвание. А призвание — труд, народ,

жизнь, тяжкая и необъятная. Призвание — ты и время». (Валентин Сорокин, «Возвращение в молодость», 2022). В нашей российской действительности немало, к сожалению, примеров, когда подлинно талантливые писатели, поэты, блиставшие у себя на «малой родине», перебравшись в Москву, вдруг терялись в ней, размывались, блекли, а то и вовсе гибли от известного недуга, не устояв душой в напряженных ритмах московской жизни, не проявив волю в труде, созидании, чего всегда и прежде всего требует от человека для его признания столица. О качестве неустанного труда Валентина Сорокина в Москве говорит и такое интересное событие, как телефонный звонок от маршала Г.К. Жукова, прочитавшего стихи поэта в газете «Правда» и пригласившего его к себе домой, на дачу, чтобы познакомиться лично. Вряд ли Маршал Победы, покоривший мир, стал бы звонить незнакомому писателю, не затронь эти стихотворения его русского сердца.

Подлинно славные страницы биографии В.В. Сорокина связаны с его работой в издательстве «Современник», куда он был взят в апреле 1970 года сперва заместителем главного редактора, а чуть позже стал его главным редактором едва ли не курьезным случаем: «Я обвинил его [Прокушева] в догматизме, в бесконечном ленинизме, в том, что он старый человек и мешает молодым работать. А он недели через две издал приказ и назначил меня главным редактором». (Валентин Сорокин. Из интервью Анатолию Белозерцеву). Причем сам Юрий Львович о совместной работе с В.В. Сорокиным пишет так: «Вместе с ним [Сорокиным] мы не один год обща боролась за возрождение Сергея Есенина. До сих пор я благодарен Василию Федорову за эту чудесную рекомендацию». (Юрий Прокушев, «Бережь Россию не устану...», 2004.) В этих фактах ценно безусловное понимание высших задач, целей строительства русской духовной жизни обоими руководителями издательства, когда всякие иные соображения не только не играют какой-

либо роли, но даже не берется во внимание. Благодаря этому, отечественная литература имеет в своем активе изданные «Современником» в 70-х годах книги Виктора Астафьева, Василия Белова, Юрия Бондарева, Бориса Можаева, Евгения Носова, Валентина Распутина, Николая Рубцова, Владимира Солоухина, Александра Твардовского, Василия Шукшина и еще целой россыпи звучных имен, составивших золотой фонд русской литературы, чье перечисление, подкрепленное фотографиями произведений авторов, занимает в книге не одну страницу.

Далее, как свидетельствуют приводимые в книге документы, общественная атмосфера становится все более напряженной, но не по линии творчества, а в плане идейном, мировоззренческом. Иногда она всплескивается неожиданными событиями, хотя повествовательно это выражено чрезвычайно сдержанно. Чего стоит, например, такой приведенный в книге отрывок из рассказа поэта: «В молодости я добился приема у бывшего председателя КГБ Шелепина. Пришел к нему, стал говорить, что хочу изучить судьбы погибших поэтов. Он на меня посмотрел пристально и сказал: “Зачем это тебе, Валентин? Ты на себя берешь тяжелый груз. Это очень затруднит твою жизнь”. И отказал мне». И чуть позже, находясь уже на очередной должностной ступени: «В Главлите, цензуре, Владимир Алексеевич Солодин восклицал: “...два отдела ЦК КПСС снять тебя не могут, а мы циркуляра им не даем и не дадим!...” <...> Если бы не Главлит, измесили бы меня раньше подошвами русских закормленных комхолоуев».

Драма травли поэта, позорное отнятие жилья в пользу дочери греческого миллиардера Онассиса, Кристини Онассис, и ее мужа Каузова, решивших обосноваться в Москве и умудрившихся присвоить часть личного, небогатого имущества семьи Сорокиных, изматывающий суд по линии комиссии партийного контроля и пр. неуклонно перерастает в трагедию страны. Эти частные

факты биографии чрезвычайно важны в понимании общих процессов, приведших государство к глобальной катастрофе. Валентин Васильевич Сорокин не был диссидентом, инакомыслящим или выразителем крайних националистических взглядов, участником тайных кружков, кухонных подполий, он — природный, ярко выраженный русский поэт с ясным взглядом на мир, квинтэссенция талантов народа. Трудно сказать, почему власть преследует преимущественно национальных самородков, почему против них ополчается литературная казенщина и почему они зачастую гибнут первыми. Когда это началось в отечественной истории и когда закончится? Но было и остается совершенно непреклонной истиной: подавление русского самосознания, обезличивание культуры, лишение русской нации своего голоса в лице ее поэтов, писателей, художников приводит в итоге к гибели самого Царства, а возрождение его, устояние всегда связано с раскрепощением русского духа, опорой на коренное, национальное. Парадокс, но в 91-ом году, когда все-таки грянула катастрофа распада страны, на спасение бросились прежде всего те, кто натерпелся от своей власти, кто, не пожелав мириться с гибелью родного дома, готов был пожертвовать ради него своей жизнью, хорошо сознавая: другого дома не будет, не нужен другой. В их числе был поэт В.В. Сорокин. Ряд структур той власти и те, кто всегда обслуживали ее с немалой для себя выгодой, добивали защитников не таясь. «В день августовского антисоветского переворота мне пришлось сесть за руль “Нивы” в поселке Семхоз и мчаться к Юрию Львовичу Прокушеву в Москву, которого собрались ельцинисты арестовать за телеграмму поддержки на имя ГКЧП. За мной ринулась легковая, черная “Волга”, и уже на светофоре, у Рижского вокзала, она разбила меня вдребезги. За ее рулем оказался гэбист». (Валентин Сорокин, «1993»). И такая горькая запись из его дневника: «Группа Евтушенко требует суда над Бондаревым, Распути-

ным, Прохановым. Палачи. Кровавые крысы в походе — Россия перед ними. Читаю свои дневники, почти все сбылось, что мучило меня предчувствиями. Родина рухнула в более страшную яму, чем в 1917». Короткое время спустя многие их тех, кто так или иначе участвовал в перевороте, поддерживал его, разбегутся по вторым и третьим своим домам по всему миру, бросят страну и народ на произвол судьбы в нищем, полуразрушенном состоянии. Говоря словами древних, «издевательство еще более гнусное, чем самое злодеяние».

В целом, приведенные в книге документы, материалы, фотографии дают довольно полное представление о ключевых моментах биографии поэта, его

роли в литературной, общественной жизни страны — для тех, кто не застал по возрасту некоторых событий. Послужат хорошим и своевременным напоминанием непреложных фактов, помогут уяснить подоплеку, понять внутренние механизмы Новой и Новейшей Российской истории — тем, кому лично довелось это все пережить. Биография доведена до 2022 года.

Книгу прозаика Лидии Андреевны Сычевой «Встреча с жизнью. Материалы к биографии Валентина Сорокина» настоятельно рекомендую филологам, историкам, журналистам и всем, кто чтит русскую поэзию, литературу, историю Отечественной литературы, культуру страны.

